

DOI 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-139-163

УДК 639.181

К. В. Истомин

Центр социальных исследований Севера,
Европейский университет в Санкт-Петербурге
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-6599-4945
E-mail: kistomin@naver.com

Между свободой и необходимостью движения: типы оленеводческих миграций в крупностадном оленеводстве севера европейской части России и Западной Сибири*

АННОТАЦИЯ. Паттерны оленеводческого кочевания, распространенные в ареале тундрового оленеводства самодийского типа, то есть на севере европейской части России и в Западной Сибири, можно разделить на три больших типа: тип линейного кочевания, для которого характерны длинные кочевки по прямой линии, направленные строго с юга на север в весенне-летний и с севера на юг в летне-осенний период; тип кругового кочевания, для которого характерно кочевание внутри ограниченного пастбищного участка, обычно состоящее из двух или трех сезонных кругов, соединяющихся в месте, где оленеводы оставляют зимние вещи; тип смешанного кочевания, состоящий в линейной перекочевке с зимнего на летний пастбищный участок и последующего кругового кочевания в течение лета. Эти три типа не удается связать ни с какими-либо географическими или природными регионами, ни с этническими ареалами или традициями. Можно предположить, что различия между типами связаны с их разной эффективностью в реализации двух основных функций кочевания — перераспределении пастбищной нагрузки и максимизации пастбищных ресурсов. Выбор модели кочевания, судя по всему, определяется внеэкологическими факторами, такими как значение оленеводства и других отраслей в хозяйстве кочевых семей и особенности административного разграничения пастбищ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: оленеводство, кочевая мобильность, культурные паттерны, север Европейской России, Западная Сибирь

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Истомин К. В. Между свободой и необходимостью движения: типы оленеводческих миграций в крупностадном оленеводстве севера европейской части России и Западной Сибири. *Этнография*. 2023. 1 (19): 139–163. doi 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-139-163

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00238 «“Земля храбрых”: преодоление неопределенности при взаимодействии с физической и социальной средой в Российской Арктике», <https://rscf.ru/project/22-18-00238/>.

K. Istomin

Center for Arctic Social Studies,
European University at St. Petersburg
St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-6599-4945
E-mail: kistomin@naver.com

Between Freedom and Necessity of Movement: Types of Reindeer Migration in Large-Scale Reindeer Herding of Northern European Russia and Western Siberia

ABSTRACT. In the Samoyed tundra area of reindeer herding, i.e., in the North of European Russia and Western Siberia, one can identify three distinct patterns of reindeer herding migration. First is the linear type characterized by long straight-line migration, roughly directed from south to north in the spring-summer period and from north to south in the summer-autumn period. Second is the type of circular nomadism characterized by a movement within a restricted area of pasturelands, usually consisting of two or three seasonal circles interconnecting at the place where reindeer herders leave their winter belongings. The third type is mixed nomadism, consisting of a linear shift from the winter to the summer grazing area and subsequent circular nomadism during the summer. These three types cannot be reliably associated with particular geographic or natural regions or specific ethnic or cultural traditions. We presume that the differences between the types reflect their different efficiency in implementing the two main functions of nomadic pastoralism: redistribution of grazing load and maximization of grazing resources. The choice of the nomadic model appears to be determined by extra-ecological factors, such as the importance of reindeer husbandry and other industries in the economy of nomadic families and specific administrative boundaries of pasturelands.

KEY WORDS: reindeer herding, nomadic mobility, cultural patterns, North of European Russia, Western Siberia

FOR CITATION: Istomin K. Between Freedom and Necessity of Movement: Types of Reindeer Migration in Large-Scale Reindeer Herding of Northern European Russia and Western Siberia. *Etnografia*. 2023. 1 (19): 139–163: (In Russian). doi 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-139-163

ВВЕДЕНИЕ

В антропологии движения, развитие которой в нашей стране столь многим обязано А. В. Головнёву, изучение движения кочевых животноводов занимает особое место. Действительно, культура животноводов-кочевников, как материальная, так и духовная, буквально «пропитана» движением; движение же, реализовавшееся и потенциальное, часто определяет их социальные отношения как между собой, так и с другими группами (см., напр.: Головнёв, Куканов, Перевалова 2018). Однако что и в какой мере порождает это движение? Действительно, издавна, еще со времен Средневековья, существовали две точки зрения на кочевников-животноводов. Согласно одной из них, кочевник представлялся вольным сыном степей и пустынь, самолично выбирающим, куда и как ему двигаться, и поэтому способным неожиданно появиться там, где ему заблагорассудится, наводя ужас на окрестных оседлых жителей, — такая квинтэссенция «модели хищника» из «Антропологии движения» А. В. Головнёва (2009). Однако существовала и другая точка зрения, согласно которой передвижения кочевников были следствием необходимости поиска пастбищ для своих стад и совершались, таким образом, вынужденно. С этой точки зрения кочевые животноводы представлялись своего рода вечными беженцами от голода и нищеты, вызванных истощением пастбищ, людьми, обреченными своим хозяйственным укладом на постоянное движение туда, где есть вода и трава, и неспособными повлиять ни на скорость, ни на направление этого движения. При таком подходе кочевые животноводы гораздо больше подходили под «модель травоядного», пусть и мигрирующего. Интересно, что если первая точка зрения была характерна в основном для историков, то ранние социальные географы и этнографы, занимавшиеся кочевниками (Forde 1934; Muges 1941), включая и тех, кто работал на территории нашей страны (Богораз 1934), твердо придерживались второй. Чукчи, как известно, «следуют за своими оленями» (Богораз 1934).

Историю изучения движения кочевых животноводов в послевоенной западной антропологии вполне можно описать как постоянную борьбу между двумя обозначенными точками зрения, в ходе которой взгляд на кочевание как полностью экономически и экологически детерминированное (вторая точка зрения) постепенно сдавал свои позиции (такое описание см., например: Dwyer, Istomin 2008). Это мнение, впрочем, оставалось в целом доминирующим вплоть до конца 1960-х или даже начала 1970-х гг. (McCabe 1994), хотя этнографические свидетельства, указывающие, что на сроки, направление и протяженность кочевок сплошь и рядом оказывают важное влияние не связанные с экологией экономические (например, торговля), политические (например, угроза со стороны других групп, государственное регулирование

землепользования, стремление уйти из-под контроля государства и т. д.), социальные (конфликты и социальные связи между кочевыми группами, а также между кочевниками и оседлыми группами) и другие факторы, накапливались в течение нескольких предшествующих десятилетий. Во второй половине 1970-х гг. были обнаружены примеры кочевых сообществ, движение которых вообще не имело экологического «обоснования»: с точки зрения экологии представители этих сообществ вполне могли жить и заниматься животноводством оседло, а их кочевой образ жизни определялся исключительно политическими и социальными причинами (Irons 1974; Elam 1979). Этот факт породил у некоторых ведущих антропологов-номадистов того времени сомнения не только в возможности найти целостное объяснение движению кочевников, но и в самом существовании кочевого животноводства как единого феномена, подлежащего изучению и объяснению (Dyson-Hudson, Dyson-Hudson 1980).

Поскольку попытки дать объяснение реально наблюдаемому движению кочевников-животноводов явно зашли в тупик, начиная со второй половины 1980-х гг. фокус исследований сместился с движения как такового к правилам и операциям, вовлеченным в процесс принятия решений о передвижениях на уровне кочевых групп и отдельных их представителей. Пионерами этого подхода стала команда знаменитого проекта Туркана (Little, Leslie 1999). Попытки исследователей, работавших над этим проектом, подсчитать количество связанных с перекочевками решений своих информантов, принятых «в основном» по экологическим, экономическим или политическим причинам, и определить на этой основе относительный вес этих трех факторов в формировании кочевого движения (Dyson-Hudson, McCabe 1985) стали первым примером нового подхода. В 1990-е гг. и в первое десятилетие нашего века основным подходом стало «примеривание» на кочевников различных так называемых оптимизирующих моделей пространственного поведения, то есть моделей, через пространственные перемещения позволяющих оптимизировать ряд факторов-переменных, которые исследователи считают важными для изучаемых сообществ. Эти модели заимствовались из экологии животных (например, OFM — Optimal Foraging Model; см.: De Boer, Prins 1989), поведенческой экологии и социобиологии (например, DOM — Dynamic Optimality Model; см.: Sieff 1997; Borgerhoff Mulder, Sellen 1994), микроэкономики (например, Economic Defensibility Model; см.: Casimir 1992). Все они, как правило, хорошо объясняли пространственное поведение какой-то одной группы кочевников-животноводов или даже животноводов определенной экологической зоны, но оказывались бесполезными при попытке их более широкого применения. Можно сказать, что ко второй половине 2010-х гг. исследование кочевого движения вновь оказалось в глубоком кризисе.

Чтобы его избежать, автором настоящей работы совместно с британским коллегой еще 10 лет назад был предложен другой подход, основанный не на оптимизирующих моделях принятия решений, а на попытке анализа собственно когнитивных процессов их принятия на примере оленеводов-кочевников Большеземельской тундры и юга Гыданского полуострова (Dwyer, Istomin 2008). Мы продемонстрировали, что, принимая решение о перекочевке, оленеводы в большинстве своем не занимаются анализом каких-либо факторов и не нацелены на оптимизацию тех или иных из них. Вместо этого они ориентируются на поведение оленей и на объем труда, который приходится затрачивать на сохранение контроля над стадом и обеспечение его надлежащего выпаса в данном месте. Как только соотношение затрат труда и выгод пребывания в определенном месте (учитывая социальные взаимодействия, торговлю и т. д.) оказывается, с их точки зрения, достаточно неблагоприятным, происходит перекочевка в новое место — туда, где указанное соотношение более благоприятно. Поскольку затраты труда зависят от экологических (количества и качества пастбищных ресурсов) и климатических (комары, температура) факторов, а также от применяемых оленеводами технических средств (упряжка, снегоход), характер движения оленеводов будет в конечном итоге определяться целым комплексом экологических и неэкологических факторов и меняться от года к году. Понять их движение, однако, легче всего, именно ориентируясь на описанный когнитивный процесс, а не на абстрактную модель.

Хотя наше предположение было в целом благоприятно встречено академическим сообществом, полноценным объяснением движения кочевников (и даже движения оленеводов) оно стать не могло. Действительно, оно объясняло процесс принятия решений внутри некой культурной системы, которая сама по себе нуждалась в объяснении. Например, в случае оленеводов коми наш подход мог объяснить, как и когда оленеводы принимают решение кочевать, но не направление и дистанцию кочевки, которая в этом случае задается общим «линейным» характером кочевания, свойственным Большеземельской тундре. В случае тазовских ненцев мы попытались дать объяснение выбору направления кочевки, но в конечном итоге были вынуждены признать, что общая модель кочевания (круговая) и здесь находится за пределами объяснительной силы нашей гипотезы. Иными словами, наша гипотеза нуждается в существенном дополнении, причем не на уровне конкретных процессов принятия решений оленеводами, а на уровне общих паттернов кочевания — на том самом уровне, который антропология оставила больше 30 лет назад.

Данная работа является, таким образом, попыткой вернуться на этот уровень. Ее цель — описать и проанализировать общие паттерны оленеводческих перекочевок, их устойчивость во времени и пространстве с целью найти ответы на следующие вопросы. 1) Насколько оленеводы

свободны в своем выборе общих паттернов кочевания? 2) Если в отношении выбора этих паттернов существует определенная свобода, то что определяет этот выбор? Для решения этих задач автор опирается в основном на этнографический полевой материал, который собирался в течение почти 20 лет во время полевых работ на Кольском полуострове (Мурманская область), в Большеземельской тундре (восточная часть Ненецкого автономного округа (АО) и Республика Коми), Надымском и Пуровском районах Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО), Тазовской тундре (Тазовский район ЯНАО) и в краткой поездке в поселок Се-Яха (самый северный «национальный» поселок Ямальского района ЯНАО). Эти материалы включают и интервью с оленеводами и административными работниками оленеводческих предприятий, и письменные источники, прежде всего копии и фотографии карт землеустройства оленеводческих предприятий. Помимо полевых материалов, используются опубликованные этнографические описания, в том числе исторические, оленеводческих практик. Территориально настоящая работа ограничивается севером европейской части России и Северо-Западной Сибирью, то есть ареалом распространения так называемого оленеводства самодийского типа (Василевич, Левин 1951; Клоков 2020). Более того, из рассмотрения исключено оленеводство таежной зоны этого ареала. Такой выбор территориальных рамок исследования обусловлен, с одной стороны, границами экспертных знаний автора (достаточно узкими, как может видеть читатель), а с другой — предположением, до сих пор окончательно не опровергнутым, что за термином «оленеводство самодийского типа», помимо некоего единства элементов материальной культуры и общности происхождения, может скрываться и определенное единство традиционных и современных оленеводческих технологий. В этой связи следует сказать несколько слов об оленеводстве Кольского полуострова. В настоящее время оленеводство этого региона вряд ли можно считать оленеводством самодийского типа как в «музейном», так и в технологическом смысле этого слова. Более того, материалы по нему едва ли могут быть прямо привлечены для исследования нашей темы из-за отсутствия в нем полноценного кочевания. Тем не менее еще примерно 40–50 лет назад такое кочевание в кольском оленеводстве было, и сведения об этом периоде в изобилии содержатся в литературе, документах и воспоминаниях хотя и пожилых, но все еще живых информантов. Эти сведения представляют большой интерес для нашего исследования и поэтому включены в эту работу.

ТИПЫ КОЧЕВАНИЯ ОЛЕНЕВОДОВ

В рамках настоящей работы под оленеводческим кочеванием понимаются перемещения оленеводов со стадом, напрямую связанные

с осуществлением производственных операций в оленеводстве. При этом мы опираемся на ставшее уже стандартным в западной антропологии различие микро- и макромобильности (см. например: Niamir-Fuller 1999). Макромобильность всегда организована вокруг определенной точки, например места стоянки, в этой точке она обычно начинается и заканчивается. Смена такой точки составляет макромобильность. В этом смысле под кочеванием мы понимаем вид макромобильности, то есть перемещение точки, вокруг которой организуется микрообильность, но не всякая микрообильность, а лишь связанная с надзором за стадом, его сбором, перемещением и другими технологическими процедурами оленеводства. В этом смысле, например, ситуация, когда женщины и дети остаются на сезонной стоянке, а мужчины с легкой палаткой перемещаются со стадом, оказывается кочеванием, поскольку точка надзора за стадом, вокруг которой организуется микрообильность, смещается. В то же время «кружевное» движение стада вокруг летней стоянки, отлично описанное А. В. Головнёвым и соавторами в «Атласе кочевых технологий» (Головнёв, Куканов, Перевалова 2018: 178–181), не будет считаться кочеванием, поскольку точка организации микрообильности оленеводов при этом не смещается.

Если принять описанное выше определение понятия «кочевания», то окажется, что паттерны перекочетов в регионе нашего исследования можно разделить на три типа.

Линейный тип кочевания. Характеризуется кочеванием по более или менее прямой линии между зимними пастбищами и расположенными к северу от них летними пастбищами и обратно. При этом расстояние между летними и зимними пастбищами достаточно большое: оно составляет от полутора сотен до почти тысячи километров, и оленеводы проводят фактически большую часть года, преодолевая его; на летних пастбищах проводят обычно несколько недель, а на зимних — несколько месяцев. Помимо большого расстояния между летними и зимними пастбищами, отличительной чертой этого типа кочевания является значительное сходство между маршрутом кочевания с зимних пастбищ к летним и обратно. В ряде случаев эти маршруты полностью совпадают — оленеводы кочуют туда и обратно по одной и той же кочевой тропе (ненец. *недарма*, коми *вэрга*), которая хорошо видна на поверхности тундры, особенно в тех местах, где кочуют по голой земле, а не по снегу. В других случаях они могут не полностью совпадать, но их значительные расхождения если и случаются, то только на локальных участках и всегда обусловлены инфраструктурными причинами: необходимостью провести стада через кораль, посетить забойно-холодильный пункт осенью и т. д. Кроме того, кочевые маршруты при линейном кочевании обычно отличаются большой устойчивостью: они остаются по крайней мере в общих чертах (а иногда и в деталях), неизменными в течение

десятилетий, а иногда и столетий (как в Большеземельской тундре), то есть на протяжении жизни поколений оленеводов. Несколько меньшей устойчивостью обладают дистанция и сроки кочеваний: в отдельные годы, а иногда и на протяжении длительных периодов времени оленеводы могут «не доходить» до своих летних или зимних пастбищ и «летовать» или «зимовать» на «прогонной земле»¹. Соответственно могут сдвигаться и сроки начала и окончания весенней и зимней кочевок. Наконец следует упомянуть, что между зимними и летними пастбищами у оленеводов имеется место, где они по пути на север оставляют свои зимние нарты, одежду, часть вещей и продуктов, чтобы забрать их тогда, когда будут двигаться обратно. Это место не играет при этом типе кочевания такой важной роли, как при других типах, но его присутствие и относительную неизменность следует все-таки отметить. Линейный тип кочевания обычно хорошо виден по картам землеотвода оленеводческих предприятий, например бывших совхозов. Земли предприятий, где используется или использовался этот тип кочевания, обычно имеют вид одного или нескольких длинных вытянутых «коридоров», нарезанных вдоль на более узкие бригадные «коридорчики».

Круговой тип кочевания. Пожалуй, главное отличие кругового кочевания от описанного выше линейного заключается в том, что годовой цикл кругового кочевания происходит на гораздо более ограниченной территории. Обычно все годовые перекочевки этого типа происходят внутри квадрата со стороной 50–60 км. Вторым отличием является то, что, как следует из названия, миграции этого типа происходят по кругу. Это, однако, не означает, что годовой цикл миграций представляет собой круг: подобное если и случается, то крайне редко. Гораздо чаще оленеводы, кочующие по этому типу, описывают в течение года минимум два круга — летний и зимний, причем местом соединения этих кругов между собой является точка, где оленеводы оставляют зимние вещи. Маршрут годового кочевания при этом напоминает по форме цифру «8». Не менее распространенным, впрочем, является годовой цикл кочевания, состоящий из трех кругов — зимнего, раннелетнего (оленеводы Тазовской тундры иногда называют его «комариным») и летне-осеннего. Как и в предыдущем случае, все три круга соединяются в месте, где стоят зимние нарты и куда оленеводы в этом случае возвращаются два раза — в середине лета и осенью. Наконец, третьей характерной чертой кругового типа кочевания являются его пластичность и изменчивость: постоянных кочевых троп при этой системе не бывает, местоположение описываемых кругов может меняться из года в год, как, впрочем, и их количество.

¹ Так, некоторые оленеводы-коми Интинского района Республики Коми до сих пор уверены, что их зимние пастбища располагаются за Уралом, к северу от с. Саранпауль (Ляпин), хотя эти пастбища не посещались ими с конца 1980-х гг.; те места, где они регулярно зимуют в настоящее время, они считают «прогонными» (см.: Dwyer, Istomin 2009).

Так, бригада совхоза «Газовский», в которой проводил исследование автор настоящей работы, в течение двух лет совершала кочевание из трех кругов, причем зимний круг делался вдоль берега реки Таз и его притока — реки Русская (Луця-Яха), где рос лес и было легко заготовить дрова; «комариный» круг охватывал систему сливающихся речек, образующих вершину реки Русская (по мнению оленеводов, там оленям было легче переносить комаров); летне-осенний круг проходил по участку ровной тундры, где олени могли разойтись широким фронтом и набрать вес. На третий год, однако, бригада решила дать «отдохнуть» этим местам кочевки и уйти от реки Русской на противоположный конец своего пастбищного участка, который они не посещали несколько лет. Там не было удобного места для «комариного» круга, и бригада решила кочевать простой «восьмеркой», сделав зимний круг по облесенному участку возле Таза, а летний — по открытой тундре к северу от него. Заметим, что решение о географии кочевания принимается весной и определяет выбор места стоянки зимних вещей, в направлении которого начинают кочевать в марте. Это место становится центром кочевого цикла и определяет местоположение и, судя по всему, количество кочевых кругов. Круговой тип кочевания также отражается на картах землеустройства предприятий — в этом случае земля предприятия оказывается расчерченной не на «коридоры», а на относительно небольшие бригадные пастбищные участки неправильной, но более или менее пропорциональной формы.

Смешанный тип кочевания. В этом типе кочевания годовой цикл делится на две части. После выхода с зимних пастбищ оленеводы делают несколько длинных и относительно быстрых линейных перекочек с таким расчетом, чтобы к моменту стаивания снега прибыть на свои летние пастбищные участки, к находящемуся в их пределах месту, где оставлены зимние вещи. В этих местах остаются не только зимние вещи и жилища оленеводов, но и — во всех наблюдавшихся автором примерах такого типа кочевания — также женщины и дети. Мужчины же с облегченным чумом или палаткой уходят вместе со стадом на летнюю кочевку по пастбищному участку, осуществляемую по круговому типу. Обычно летняя кочевка состоит из двух кругов с однократным возвращением к месту стоянки зимних вещей в середине лета. Кроме того, в течение всей летней кочевки мужчины по очереди совершают поездки на эту стоянку, чтобы навестить свои семьи, передать женщинам выловленную мужчинами рыбу и оленьё мясо и забрать с собой запас сухарей, макарон и крупы. В октябре, после первого снега, оленеводы покидают летний пастбищный участок и совершают линейные перекочки к зимним пастбищам, которых достигают в декабре. Интересно, что «линейная» часть кочевого цикла в наблюдавшихся автором случаях отличается большой устойчивостью. Так, оленеводы Надымского района ЯНАО

(АО «Ныдинское»), кочевание которых построено по этому типу, используют для линейных перекочевков две кочевые тропы, начинающиеся от двух участков зимних пастбищ, принадлежащих предприятию и идущих к северной оконечности полуострова Малый Ямал (в середине пути эти тропы соединяются в одну). Оленеводческие бригады следуют по тропам, сворачивая с них на свои летние пастбищные участки, располагающиеся цепочкой с юга на север вдоль западного побережья полуострова. Места, где остаются на лето женщины, дети и зимние вещи, также достаточно устойчивы. На одном из таких мест автор даже увидел стационарный балок, сооруженный оленеводом для проживания своей семьи. При этом маршруты летнего кочевания мужчин со стадом гораздо менее устойчивы. Обычно они состоят из двух кругов — «комариного», совершаемого вблизи побережья Обской губы, и «нагульного», совершаемого вглубь полуострова. Однако размеры кругов, их расположение, а иногда и их число могут меняться в силу самых разных причин — от переноса сроков и места летнего прививочного кораля до желания оленеводов-мужчин порыбачить на удаленном озере, которое они давно не посещали. Карта землепользования ныдинского предприятия показывает зимние пастбища в южной части земли и цепочку летних бригадных пастбищных участков в ее северной части.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТИПОВ КОЧЕВАНИЯ И ИХ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ

По полевым материалам автора, в том числе совхозным картам землеустройства, и опубликованным описаниям кочевания оленеводов в этнографической литературе рассмотренные три типа кочевания в исследуемом нами регионе распределяются следующим образом.

Кочевание линейного типа является, пожалуй, наиболее распространенным, преобладая или выступая единственным типом кочевания в Канинской тундре (Канинский полуостров на западе Ненецкого АО и прилегающая к нему часть Ненецкого АО и Мезенского района Архангельской области), Большеземельской тундре (восточная часть Ненецкого АО и северная часть Республики Коми), восточной части Уральской тундры, Панаевской и Ярсалинской тундрах (южная половина Ямальского полуострова), Антипаютинской и Гыданской тундрах (северная и средняя части Гыданского полуострова вплоть до побережья Енисейской губы). Кроме того, в ареал распространения этого типа кочевания вовлечены левобережье реки Надым (так называемая Хэнская сторона, западная часть Надымского района ЯНАО), куда на зиму откочевывает часть оленеводов Яр-Салинской тундры, а также северная оконечность и восточное побережье полуострова Малый Ямал

(административно — западная часть Тазовского района ЯНАО), куда на зиму переправляется часть оленеводов Антипаютинской тундры.

Кочевание кругового типа распространено в Малоземельской тундре и нижней части Припечорья, на северной половине Ямальского полуострова, в южной части Гыданского полуострова (в Тазовской тундре), на правом берегу нижнего Пура и среди ненцев левого берега Енисея к югу от губы (тухардские ненцы).

Кочевание смешанного типа фиксируется в Надымской тундре (Надымский район ЯНАО) и северной части Пуровского района ЯНАО, к западу от нижнего течения Пура.

На Кольском полуострове карты землеустройства оленеводческих предприятий показывают, что кочевание линейного типа здесь преобладало в совхозе «Тундра», за исключением пастбищной территории достаточно поздно присоединенного к нему колхоза «Большевик» (историческая 9-я бригада совхоза «Тундра»), где и характер землеустройства, и полевые интервью показывают круговое кочевание. Судя по всему, по линейному типу кочевали и оленеводы села Каневка, а также восточные бригады оленеводов села Краснощелье, основной костяк которых составили оленеводы ликвидированного села Ивановка (Чальмны Варрэ). По круговому типу, судя по расположению сезонных пастбищ, кочевали сосновские оленеводы и оленеводы ликвидированного села Поной. Особый интерес представляет модель кочевания западных бригад оленеводов Краснощелья, чьи летние пастбища располагались не на побережье, а в тундрах центральной части полуострова, к югу от реки Иоканга и от кочевий 9-й ловозерской бригады (колхоза «Большевик»). Система кочевания одной из этих бригад подробно описана «для передачи трудового опыта» в брошюре, опубликованной в середине 1950-х гг. (Федотов 1956). В этом описании можно обнаружить явные параллели с кочеванием смешанного типа: бригада выходила на летние пастбища в начале июня и устраивала летнюю стоянку на берегу озера. Оставшиеся на этой стоянке женщины, старики и часть мужчин все лето занимались ловлей рыбы, которую бригада затем сдавала в колхозную заготконтору, в то время как большинство мужчин уходило со стадом «кружить» по тундре. Это описание, кстати, показывает, что уход мужчин со стадом не был следствием введения практики «бесчумного выпаса» со стороны администрации социалистических предприятий — пропаганда такого типа выпаса началась несколько позже — и может быть «традиционным» элементом смешанного типа кочевания. Опубликованное описание дополняет рассказ пожилого информанта из 4-й краснощельинской бригады, относящийся примерно к середине 1970-х гг. Согласно ему бригада кочевала на летнее место (летнюю стоянку) по взрге (кочевой тропе). От этой стоянки мужчины делали большой круг по тундре со стадом и возвращались на стоянку в конце июля. После этого оленей отпускали

на вольный выпас вокруг озера, на берегу которого располагалась стоянка, а уходившие с ним мужчины присоединялись к рыбной ловле. К началу сентября олени делали полный круг вокруг озера и подходили к стоянке. Их снова ловили «в руки», после чего откочевывали по тропе на юг. Это описание, видимо, отражает начало проникновения в кольское оленеводство элементов свободного выпаса, но по нему вполне можно восстановить «классическую» схему кочевания из двух кругов, похожую на кочевание надымских оленеводов.

Таким образом, в современном распространении типов оленеводческого кочевания вряд ли можно обнаружить какую-то систему, позволяющую связать типы кочевания с экологическими условиями или этническими традициями. Пожалуй, единственное, что можно отметить: линейное и смешанное кочевание чаще всего осуществляется между экологическими зонами (из лесной зоны в тундровую и обратно), в то время как круговое — внутри одной зоны. Однако и из этого правила есть важные исключения: антипаютинские, гыданские и часть ямальских оленеводов осуществляют линейные миграции целиком внутри тундровой зоны. Все это оставляет мало шансов сыграть в любимую игру советских этнографов и выстроить выделенные типы кочевания в генеалогический ряд, объявив одни из них продуктом развития других. Тем не менее стоит упомянуть, что по крайней мере для некоторых областей изучаемого региона существуют письменные свидетельства, согласно которым линейное кочевание пришло там на смену круговому, причем эта смена совпадает по времени с развитием крупностадного оленеводства. Так, Владимир Иславин, посетивший Большеземельскую тундру в 30-е гг. XIX столетия, связывал линейное кочевание из леса на побережье моря с коми-ижемским оленеводством, знаменовавшим в этом регионе переход к крупностадному производящему хозяйству (см.: Крупник 1976), и утверждал, что оно появилось не более чем за 30 лет до его поездки, то есть в конце XVIII — начале XIX в. (Иславин 1847). Более того, он противопоставлял этот тип кочевания более локальному кочеванию ненцев, еще сохранявших черты мобильного промыслового хозяйства, и видел в нем одну из причин обнищания последних: «Ижемец быстро проходит по тундре, да и то только в летнее время, когда олень также охотно питается травой, как и мхом, к зиме же возвращается ближе к своим селам, где в лесах под снегом мху вдоволь, потому что летом никто в тех местах не кочует; самоеду же тундра также нужна зимою, как и летом, ибо <...> он весну, лето, осень и даже часть зимы проводит в открытой тундре, где круглый год занимается различными промыслами; теперь же поставлен в такое положение, что, возвращаясь к промысловым местам своим, он находит или что они опустошены ижемцами, или же около них вытопан весь мох» (Иславин 1847: 54–55). Связь между появлениями длинных кочевых путей и становлением крупностадного оленеводства — на этот

раз совершившемся вне всякой связи с коми-ижемцами — усматривал и А. В. Головнёв у ненцев западной Сибири (Головнёв 1995; Golovnev, Osherenko 1999). Наконец, связь между крупностадностью и линейным кочеванием подтверждают наблюдения за постсоветскими трансформациями оленеводства в Западной Сибири. Оленеводы-частники, составляющие на данный момент большинство оленеводов в этом регионе, в основном следуют тому же типу кочевания (и даже тем же кочевым путям), который был свойствен данной местности в советский период. Тем не менее известно множество случаев сокращения частниками, кочевавшими по линейному типу, своих кочевых путей и даже перехода их к круговому типу миграций. Причины сокращения кочевок и перехода к круговому кочеванию могут быть различны (см.: Волковицкий, Терёхина 2021), но сокращение оленьего стада и, соответственно, рост роли рыболовства и охоты в поддержании бюджета семьи явно является одной из самых важных. Новый рост численности стада типично приводит к возвращению к линейному кочеванию. Следует заметить, впрочем, что связь между линейными кочеваниями и крупностадностью в любом случае нельзя считать абсолютной: крупностадное оленеводство вполне может сочетаться с круговым кочеванием, как это происходит в Мало-земельской тундре, на северном Ямале, в Тазовской тундре и, видимо, раньше происходило на востоке Кольского полуострова.

Относительно смешанного типа кочевания и его связи с другими типами невозможно построить даже таких достаточно шатких предположений, как описанные выше. Единственное, что, пожалуй, можно о нем сказать с уверенностью: он не является переходной формой от кругового кочевания к линейному, несмотря на сочетание их черт. В известных нам из истории и наблюдаемых в настоящее время примерах перехода от кругового кочевания к линейному этот переход не включал каких бы то ни было промежуточных форм. В Надымском районе автору удалось зафиксировать переход оленеводов-частников, покинувших Ньдинское оленеводческое предприятие, от смешанной формы кочевания к круговой. Причиной называлось падение численности стада и (за глаза) лень хозяев.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ТИПОВ КОЧЕВАНИЯ И СВОБОДА ИХ ВЫБОРА

Если типы кочевания невозможно связать ни с культурной традицией, ни с экологическими особенностями местности и можно лишь отдаленно — с экономическими факторами (крупностадностью, ролью оленеводства в хозяйственном комплексе), то возникает вопрос: в чем же смысл их различий? В данной части работы изложены предположения на этот счет, которые нуждаются, разумеется, в дальнейшей проверке.

Для того чтобы начать отвечать на поставленный вопрос, будет полезно, как и при попытке выделить кочевые паттерны, вернуться на несколько шагов назад, в те времена, когда в исследованиях кочевников и их хозяйства еще полностью господствовал экологический подход. Уже тогда было замечено, что кочевание в хозяйстве животноводов может выполнять две экологические функции, различие между которыми наиболее четко провел Роберт Пэйн (Paine 1972), кстати, опираясь именно на исследования оленеводства. Первую функцию Пэйн назвал «перераспределяющей» и в качестве классического примера ее описания привел работу Фредерика Барта (Barth 1961). Эта функция связана с распределением пастбищной нагрузки по широкой территории так, чтобы дать отдельным частям этой территории восстановиться и избежать перевыпаса. Вторую функцию кочевания Пэйн предложил называть «максимизирующей», а за ее описанием предложил обращаться к работе Эванса-Притчарда (Evans-Pritchard 1940). Эта функция состоит в максимизации пастбищных ресурсов, доступных стаду: в том, чтобы стадо в каждый конкретный момент времени оказывалось на пастбище, где количество и качество ресурсов в данный момент максимально. Пэйн замечал, что граница между этими функциями условна: в конце концов любая перекочевка, в том числе и выполненная для максимизации доступных стаду ресурсов, ведет к перераспределению пастбищной нагрузки, снимая ее с одной территории и перенося на другую. Тем не менее осуществление этих функций обуславливает разные траектории кочевания. Другое интересное замечание Пэйна состоит в том, что «максимизирующее» кочевание имеет смысл, если существует значительная разница в количестве и качестве ресурсов между локациями и если эта разница меняется во времени, например по сезонам.

Работа Пэйна приобрела на время большую известность, но вскоре в антропологии была сочтена потерявшей актуальность и забылась. Это было связано с переключением внимания на неэкологические причины кочевания, хотя никто из критиков экологического подхода, насколько мне известно, не утверждал, что кочевание скотоводов никогда (или в основном) не происходит по экологическим причинам. В отличие от антропологии, в экологическом изучении пастбищ (*Rangeland studies*) интерес к распределяющей и максимизирующей функциям кочевания сохранялся дольше: создатели так называемой новой парадигмы в этой области исследований (New Rangeland Paradigm), основанной на понятии неравновесной экосистемы (*disequilibrium ecological system*; см.: Behnke, Scoones, Kerven 1993) и оказавшей большое влияние на антропологическое изучение кочевников, еще в начале 1990-х считали необходимым подвергнуть эти функции критике: распределяющую функцию — за то, что она имплицитно основывается на понятии емкости пастбищ (*carrying capacity*), а максимизирующую — за то, что

она имплицитно предполагает предсказуемость распределения ресурсов по территории. И то и другое не имеет смысла в рамках неравновесной экосистемы (Соррочк 1993; Moritz et al. 2010). С этой критикой вполне можно согласиться: в условиях неравновесной экосистемы кочевание и правда не может осуществлять функции распределения и максимизации и обречено быть оппортунистическим «ответом по простым правилам» на непредсказуемые изменения среды (Moritz et al. 2015; см. также: Moritz et al. 2018). Однако, как справедливо заметил недавно Крамер Гиллин (Gillin 2021), область применения «новой парадигмы» в современных исследованиях кочевых животноводов необоснованно широка, поскольку за исключением Северной и Восточной Африки и Передней Азии (на изучении которых, собственно, и базируется «новая парадигма») среду, в которой живут кочевники, нельзя назвать неравновесной. Это, кстати, в полной мере относится и к арктической среде. Она, безусловно, изменчива, в ней часто случаются аномалии, иногда принимающие характер бедствий и даже катастроф. Но в основных своих чертах наиболее важные изменения в ней вполне предсказуемы; именно поэтому оленеводы и могут кочевать в ней по устойчивым путям весной в тундру, зная, что найдут там в изобилии зеленый корм, а летом — к лесу, зная, что найдут там ягель. Это сильно отличает их от оппортунистски «охотящихся за дождем» кочевников Сахары. Значит, экологический аспект их кочевания вполне можно анализировать в рамках модели двух функций.

Первым шагом в таком анализе мог бы быть поиск значительных и изменяющихся по сезонам различий между стоянками в количестве и качестве ресурсов. Пожалуй, наиболее очевидным из таких различий является различие между природными зонами — тундровой и лесной/лесотундровой. Тундровая зона превосходит лесную по количеству зеленых кормов в летний период и по условиям выпаса в этот период года (ветер, количество комаров/гнуся, хорошая видимость), в то время как лесотундровая/лесная зона превосходит тундровую по количеству и доступности (благодаря лучшим снеговым условиям) зимних кормов. Перекочевки из лесной зоны в тундровую летом и из тундровой зоны в лесную зимой, таким образом, являются очевидным и эффективным способом максимизации ресурсов. Определенная максимизация ресурсов возможна также за счет перемещений внутри тундровой зоны, отличающейся заметным разнообразием локальных условий и природных циклов благодаря значительному количеству рассекающих эту зону изотерм (Чернов 1980). Так можно вспомнить, например, «зеленый комбайн» (см., например: Баскин 1970) — теоретическую возможность для оленеводов максимизировать качество и ценность зеленого корма, двигаясь вслед за отступающим на север снежным покровом и, таким образом, используя пастбища в период появления молодой, наиболее богатой

белком и легко усваиваемой зеленой растительности. До сих пор не совсем понятно, используют ли оленеводы «зеленый комбайн» на практике: отел и вынужденное приспособление скорости движения к возможностям недавно родившихся телят и их матерей не дает большинству обследованных кочевых групп оленеводов сохранять необходимый для этого темп кочевания как раз в критический для работы «зеленого комбайна» период. Однако даже без учета эффекта «зеленого комбайна» кочевание через тундровую зону перпендикулярно линиям изотерм в весенне-летний период может максимизировать эффективность выпаса благодаря значительному уменьшению длительности «комариного» периода и количества комаров и общему сокращению количества жарких дней, в которые пастьба оленя неэффективна. Точно так же кочевание перпендикулярно линиям изотерм в обратном направлении осенью может 1) увеличить период питания оленя зеленым кормом (если оленеводам удается «убегать» от наступающей линии отмирания зеленой растительности, что, впрочем, осенью не составляет для них труда); 2) увеличить длительность периода выпаса без тебеневки (то есть зимней пастьбы, при которой животные самостоятельно добывают корм из-под снега); 3) улучшить снеговые условия зимнего выпаса, даже если оленеводы остаются на зиму в тундре (в южной части тундры, вдали от арктических морей, снег мягче и меньше холодных ветров). Иными словами, максимизирующее кочевание в северном оленеводстве вполне возможно, если маршруты его направлены более или менее перпендикулярно линиям изотерм, покрывают достаточное расстояние и движение происходит в сторону уменьшения среднегодовой температуры в весенне-летний период и в сторону ее увеличения в летне-осенний период; при этом максимизирующий эффект становится максимальным, если кочевание осуществляется через границу природных зон. Всем этим условиям отвечает линейный тип кочевания.

Сравнительно непродолжительное, осуществляемое обычно внутри одной экологической зоны и не имеющее устойчивой направленности относительно изотерм круговое кочевание, очевидно, не может выполнять существенной максимизирующей функции. Оно, однако, эффективно осуществляет распределяющую функцию — не в последнюю очередь благодаря характерной для него гибкости в выборе мест кочевания и выпаса и характера траектории кочевания (переход от двух кругов к трем и т. д.). Благодаря ему оленеводы могут, например, снизить воздействие стада на пастбищные ресурсы, используя наименее ценные пастбища в тот период, когда олени не столько едят, сколько вытаптывают пастбища (жаркий комариный период), а более ценные — в период, когда олени нагуливают вес (конец лета — осень) или добывают корм из-под снега (зима). Наконец, смешанный тип кочевания, судя по всему, совмещает наиболее очевидный вид максимизирующего

кочевания — кочевание через границу природной зоны — с распределяющим кочеванием в летний период. Этот тип кочевания позволяет в определенной степени максимизировать ресурсы (хотя и не так эффективно, как при линейном кочевании) и оставляет определенную гибкость при их перераспределении (хотя только в летний период).

Таким образом представляется вероятным, что экологический смысл различий между типами миграций состоит в их «заточенности» под выполнение различных функций в кочевом хозяйстве. Важно, однако, подчеркнуть, что этот вывод не объясняет выбор того или иного типа кочевания в конкретном регионе и конкретной группой. Действительно, он означает только, что выбор линейного кочевания перед круговым, скорее всего, дает некоторый выигрыш в эффективности выпаса (упитанности животных, возможно, их выживаемости в течение зимы, а также выживаемости телят) и понижение трудозатрат. Однако, судя по всему, экологические факторы ни при каких обстоятельствах не делают этот выбор обязательным: оленеводы, использующие круговой тип кочевания, могут выпастать такие же большие стада и вести такое же устойчивое оленеводческое хозяйство, как и оленеводы, использующие линейный тип. Поэтому, чтобы объяснить выбор того или иного типа кочевания, следует выйти за рамки экологии оленеводческого хозяйства и рассмотреть иные факторы, не связанные напрямую с выпасом стад. Пожалуй, наиболее очевидный из них, подтверждающийся как приведенными в данной работе примерами, так и множеством других наблюдений, заключается в условиях, создаваемых тем или иным типом оленеводческого кочевания для иных отраслей хозяйственного комплекса (особенно для так называемых присваивающих отраслей).

Линейный тип кочевания с его частыми и дальними перекочевками оставляет сравнительно немного возможностей для таких отраслей, требующих либо пребывания на одном месте в течение более или менее длительного времени, либо систематического возвращения на него для проверки сетей и ловушек. Разумеется, определенные возможности для охоты и рыболовства с помощью активных орудий (например, быстрый лов неводом, охота на линных гусей) имеются и при таком типе кочевания, но в целом присваивающие отрасли хозяйства обречены играть в этом случае подчиненную и малозначительную роль. Линейное кочевание — выбор тех хозяйств, которые имеют стремление и, главное, возможность отказаться от дифференцирования своей хозяйственной деятельности и получать основной доход от оленеводства: преимущества, связанные с максимизацией ресурсов, помогают реализовать это стремление. Этим, очевидно, и объясняется связь такого типа кочевания с крупностадность оленеводства. Действительно, чтобы жить в основном за счет оленеводства, нужно поддерживать определенную численность производящего поголовья в стаде, а чтобы осуществлять линейные

перекочевки, нужно иметь определенное (и немалое) количество ездовых оленей. Именно поэтому оленеводы-частники, потерявшие по разным причинам значительную часть своего стада, вынуждены отказываться от линейного кочевания.

Круговое кочевание оставляет гораздо больше возможностей для иных хозяйственных занятий, в том числе для охоты и рыболовства. Гибкость в выборе мест кочевания позволяет учесть эти занятия при планировании траектории движения, менее плотный график кочевков оставляет больше времени на них, а относительно небольшая территория, внутри которой осуществляются перекочевки, делает возможными систематические поездки к рыбным озерам или охотничьим угодьям для проверки сетей и ловушек. Более того, круговое кочевание может в определенных условиях облегчить сбыт продукции и способствовать развитию товарных отношений. Например, наблюдения автора в Тазовском районе ЯНАО показывают, что наиболее бедные по количеству оленей хозяйства частных используют пастбищные территории ближе к поселку, более богатые базируются на среднем расстоянии от него, а наиболее дальние от поселка участки заняты бригадами Тазовского оленеводческого предприятия. Таким образом, для хозяйств, которые не могут опереться в своем жизнеобеспечении полностью на оленеводство, открывается больше возможностей для сбыта продукции присваивающих отраслей, покупки продовольствия и получения пособий и субсидий от государства.

Другим фактором, который может определять выбор типа кочевания, является конфликт землепользования между оленеводами с разными типами кочевания. Так, по сведениям А. Н. Терёхиной, значительная часть оленеводов северного Ямала еще в первой половине прошлого столетия кочевала по линейному типу, однако земельный передел, связанный с коллективизацией и укрупнением, привел к тому, что земли на среднем Ямале оказались переданными яр-салинскому хозяйству для линейного кочевания его оленеводов. Это привело к «блокированию» се-яхинских (североямальских) оленеводов в северной части полуострова и вынудило их перейти к круговому типу кочевания (личный комментарий А. Н. Терёхиной).

Похожая история случилась на Гыданском полуострове: в первой половине прошлого века в южной части этого полуострова имелось довольно много хозяйств (хотя они и не составляли большинства), кочевавших по линейному типу и вступавших из-за этого в конфликты с предками нынешних антипаютинских и гыданских оленеводов. Раздел земли между тремя укрупненными оленеводческими предприятиями полуострова (Антипаютинским, Гыданским и Тазовским) должен был, помимо прочего, исключить эти конфликты. В результате раздела за Тазовским предприятием осталась Тазовская тундра на юге полуострова

и проход его оленеводам на север оказался заблокированным, что привело к исчезновению линейного кочевания среди оленеводов этой тундры. Наконец, могут присутствовать комплексные локальные факторы на уровне отдельных коллективов. Например, некоторые малоземельские оленеводы, судя по всему, перешли на круговое кочевание в 1990-е гг. из-за кризиса транспорта и снабжения в тундре. Круговое кочевание позволяло им оставаться в зоне досягаемости поселка и совершать туда поездки за продуктами, а также обеспечивало ротацию пастушеских смен (оленеводы малоземельской тундры перешли в советские годы на производственное кочевание).

Гораздо сложнее назвать факторы, определившие выбор смешанной системы кочевания. Можно предположить, что занятие побочными, присваивающими отраслями играло роль и здесь: достаточно вспомнить, что на Кольском полуострове членам краснощельинской бригады, оставшимся на основной стоянке, вменялась в обязанность ловить рыбу. Среди непосредственно наблюдавшихся автором надымских оленеводов, правда, такой обязанности на женщин и стариков не возлагалось, но рыболовством активно занимались кочевавшие со стадом мужчины, причем маршрут их летнего кружения учитывал эти занятия. Поэтому можно предположить, что смешанное кочевание — это способ совмещать некоторую максимизацию пастбищных ресурсов с относительной сезонной свободой занятия присваивающими отраслями хозяйства. Кроме того, на Кольском полуострове на выбор этого типа кочевания могло повлиять блокирование краснощельинских оленеводов с севера совхозом «Большевик» (позже — 9-й бригадой Ловозерского предприятия). Однако в целом из-за меньшей распространенности этого типа кочевания любые предположения о факторах его выбора будут в значительной степени спекулятивными.

ВЫВОДЫ

Описание годовых траекторий мобильности кочевых животноводов, как, собственно, и любых других культурных паттернов, сделанное извне, в отрыве от восприятия самими носителями культуры, и уж тем более разбивка их по созданным исследователем категориям с последующим анализом этих категорий считаются в современной антропологии чуть ли не преступлением. Любой студент-антрополог на вопрос о сравнительной ценности этного и эмного анализа культуры заученно ответит, что эти виды анализа обладают равной ценностью и дополняют друг друга, однако в реальности «золотым стандартом» антропологии со времен Клиффорда Гирца является «насыщенное описание» (*thick description*), то есть описание смысла, значения культурного элемента для носителей культуры (Geertz 1973), описание восприятия, «культуры

в головах», пусть и «коллективных». Автор настоящей работы в прошлом старался соответствовать этому стандарту и не намерен пренебрегать им и впредь. Однако определенный тупик, в который, по его мнению, зашло изучение кочевой мобильности и являющийся лишь примером общего тупика, в котором, с точки зрения автора, находится вся дисциплина, требует признать, что гирцевский анализ культуры имеет-таки определенные ограничения. Если это так, то можно хотя бы ради эксперимента отступить от насыщенного описания и попытаться в духе тезиса о равнозначности этного и эмного подходов дополнить его этным анализом паттернов.

Паттерны оленеводческого кочевания, распространенные в ареале тундрового оленеводства самодийского типа, то есть на севере европейской части России и в западной части Сибири, можно разделить на три больших типа: тип линейного кочевания, для которого характерны длинные кочевки по прямой линии, направленные строго с юга на север в весенне-летний и с севера на юг в летне-осенний период; тип кругового кочевания, для которого характерно кочевание внутри ограниченного пастбищного участка, обычно состоящее из двух или трех сезонных кругов, соединяющихся в месте, где оленеводы оставляют зимние вещи; тип смешанного кочевания, состоящий в линейной перекочевке с зимнего на летний пастбищный участок и последующего кругового кочевания в течение лета. Эти три типа не удается связать ни с какими-либо географическими или природными регионами, ни с этническими ареалами или традициями. Зато достаточно просто установить их связь с двумя базовыми функциями кочевой мобильности животноводов — «перераспределяющей» и «максимизирующей» функциями, наличие которых у кочевой мобильности животноводов, кочующих вне ареала неравновесной среды (то есть, условно говоря, вне пустынь и саванн), никто серьезно не оспаривает. С этой точки зрения линейное кочевание оленеводов эффективно осуществляет максимизирующую функцию, круговое — перераспределяющую, а смешанное является попыткой совместить эти функции, разведя их по сезонам. Такой анализ позволяет увидеть экологический смысл типов кочевания, хотя, конечно, не помещает этот смысл в головы самих оленеводов. Тем не менее он хорошо дополняет акторную модель принятия решений о кочевании, предложенную автором в его предыдущих публикациях вместе с Марком Двайером (Dwyer, Istomin 2008; Istomin, Dwyer 2021), помещая эту модель в общий контекст, которого ей так недоставало.

Следует заметить, что, связывая типы кочевания с экологическими функциями, мы вовсе не впадаем в экологический детерминизм. Функцию кочевания следует отделять от его причины, в том числе и понятой узко — как причину выбора между типами. Наш анализ показывает, что эта причина лежит вне экологии и скорее связана с экономическими

и историческими процессами в оленеводстве, как отстоящими от нас на несколько столетий (переход к крупностадному оленеводству), так и относительно недавними (распределение пастбищных угодий между оленеводческими колхозами и совхозами). Автору остается надеяться, что это хотя бы немного смягчает его упомянутое выше методологическое преступление.

Однако главная надежда состоит в том, что, даже если коллега-антрополог, ознакомившись с данной работой, сочтет необходимым тем не менее осудить автора, сам факт такого обмена репликами все-таки окажется неким вкладом в антропологию движения — субдисциплину основанную в нашей стране А. В. Головнёвым.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Баскин Л. М.* Северный олень: экология и поведение. М.: Наука, 1970. 150 с.
- Богораз В. Г.* Чукчи. Л.: Издательство ИНС ЦИК СССР, 1934. 197 с.
- Василевич Г. М., Левин М. Г.* Типы оленеводства и их происхождение // Советская этнография. 1951. № 1. С. 63–87.
- Волковицкий А. И., Терёхина А. Н.* «Раньше по льду переваливали»: изменения климата в восприятии тундровиков Ямала // Человек и природа в Сибири — Экологические знания и устойчивые природные отношения во времена изменения климата / Ред. Э. Кастен. Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2021. С. 39–66.
- Головнёв А. В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 1995. 607 с.
- Головнёв А. В.* Антропология движения. Екатеринбург: УрО РАН, 2009. 496 с.
- Головнёв А. В., Куканов Д. А., Перевалова Е. В.* Арктика: Атлас кочевых технологий. СПб.: МАЭ РАН, 2018. 352 с.
- Иславин В.* Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб.: Тип. Министерства государственных имуществ, 1847. 153 с.
- Клоков К. Б.* Разнонаправленность трендов в традиционном оленеводстве народов Сибири и Арктики // Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических изменений / Ред. В. Н. Давыдов. М.: Изд-во восточной литературы, 2020. С. 49–86.
- Крупник И. И.* Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев // Советская этнография. 1976. № 2. С. 57–69.
- Федотов В. С.* Передовая пастушеская бригада оленеводов совхоза «Краснощелье». Мурманск, 1956. 48 с.
- Чернов Ю. И.* Жизнь тундры. М.: Мысль, 1980. 234 с.
- Barth F.* Nomads of South-Persia: The Basseri Tribe of the Khamsch Confederacy. Boston: Little, Brown and Company, 1961. 161 p.
- Behnke R. H., Scoones I., Kerven C.* Range Ecology at Disequilibrium: New Models of Natural Variability and Pastoral Adaptation in African Savannas. London: Overseas Development Institute, 1993. 248 p.

Borgerhoff M. M., Sellen D. W. Pastoralist Decisionmaking: A Behavioral Ecological Perspective // African Pastoralist Systems: An Integrated Approach / Eds. by E. Fratkin, K. A. Galvin, and E. A. Roth. London: Lynne Rienner Publishers, 1994. P. 205–230.

Casimir M. J. The Ecological Determinants of Territorial Behaviour Among Mobile Herders // Mobility and Territoriality: Social and Spatial Boundaries among Foragers, Fishers, Pastoralists, and Peripatetics / Eds. by Michael J. Casimir and Aparna Rao. New York: Berg, 1992. P. 153–203.

Coppock D. L. Vegetation and Pastoral Dynamics in the Southern Ethiopian Rangelands: Implications for Theory and Management // Range Ecology at Disequilibrium: New Models of Natural Variability and Pastoral Adaptation in African Savannas / Eds. by R. H. Behnke, J. Scoones, and C. Kerven. London: Overseas Development Institute, 1993. P. 42–61.

De Boer W. F., Prins H. H. T. Decisions of Cattle Herdsmen in Burkina Faso and Optimal Foraging Models // Human Ecology. 1989. Vol. 17 (4). P. 445–464.

Dwyer M. J., Istomin K. V. Theories of Nomadic Movement: A New Theoretical Approach for Understanding the Movement Decisions of Nenets and Komi Reindeer Herders // Human Ecology. 2008. Vol. 36 (4). P. 521–533.

Dwyer M. J., Istomin K. V. Komi Reindeer Herding: The Effects of Socialist and Post-Socialist Change on Mobility and Land Use // Polar Research. 2009. Vol. 28 (2). P. 282–297.

Dyson-Hudson R., Dyson-Hudson N. Nomadic Pastoralism // Annual Review of Anthropology. 1980. Vol. 9. P. 15–61.

Dyson-Hudson R., McCabe J. T. South Turkana Nomadism: Coping with an Unpredictably Varying Environment. Ethnography Series. New Haven: Human Relations Area Files, 1985. 756 p.

Elam Y. Nomadism in Ankole as a Substitute for Rebellion // Africa: Journal of the International African Institute. 1979. Vol. 49 (2). P. 147–158.

Evans-Pritchard E. E. The Nuer: A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People. Oxford: Clarendon Press, 1940. 271 p.

Forde C. D. Habitat, Economy and Society: A Geographical Introduction to Ethnology. London: Methuen & Co. Ltd., 1934. 500 p.

Geertz C. The Interpretation Of Cultures: Selected Essays. New York: Basic Books, 1973. 470 p.

Gillin K. Variability Is Not Uncertainty; Mobility Is Not Flexibility: Clarifying Concepts in Pastoralism Studies with Evidence from Tajikistan // Pastoralism. 2021. Vol. 11 (1). DOI 10.1186/s13570-021-00203-7

Golovnev A. V., Osherenko G. Siberian Survival : The Nenets and Their Story. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1999. 224 p.

Irons W. Nomadism as a Political Adaptation: The Case of the Yomut Turkmen // American Ethnologist. 1974. Vol. 1 (4). P. 635–658.

Istomin K. V., Dwyer M. J. Reindeer Herders' Thinking: A Comparative Research of Relations between Economy, Cognition and Way of Life. Fuerstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2021. 219 p.

Little M. A., Leslie P. W. Turkana Herders of the Dry Savana: Ecology and Biobehavioral Response of Nomads to an Uncertain Environment. Oxford: Oxford University Press, 1999. 420 p.

McCabe J. T. Mobility and Land Use among African Pastoralists: Old Conceptual Problems and New Interpretations // *African Pastoral Systems: An Integrated Approach* / Eds. by E. Fratkin, K. A. Galvin, and E. A. Roth. London: Lynne Rienner Publishers, 1994. P. 69–90.

Moritz M., Behnke R., Beitel C. M., Bird R. B., Chiaravalloti R. M., Clark J. K., Crabtree S. A. Emergent Sustainability in Open Property Regimes // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2018. Vol. 115 (51). P. 12859–12867.

Moritz M., Hamilton I. M., Yoak A. J., Scholte P., Cronley J., Maddock P., Pi H. Simple Movement Rules Result in Ideal Free Distribution of Mobile Pastoralists // *Ecological Modelling*. 2015. Vol. 305 (April). P. 54–63.

Moritz M., Soma E., Scholte P., Xiao N., Taylor L., Juran T., Kari S. An Integrated Approach to Modeling Grazing Pressure in Pastoral Systems: The Case of the Logone Floodplain (Cameroon) // *Human Ecology*. 2010. Vol. 38 (6). P. 775–789.

Myres J. L. Nomadism // *The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 1941. Vol. 71 (1/2). P. 19–42.

Niamir-Fuller M. Introduction // *Managing Mobility in African Rangelands: The Legitimization of Transhumance* / Eds. by M. Niamir-Fuller. London: ITDG Publishing, 1999. P. 1–17.

Paine R. The Herd Management of Lapp Reindeer Pastoralists // *Perspectives on Nomadism* / Eds. by W. Irons and N. Dyson-Hudson. Leiden: E. J. Brill, 1972. P. 76–87.

Sieff D. F. Herding Strategies of the Datoga Pastoralists of Tanzania: Is Household Labor a Limiting Factor? // *Human Ecology*. 1997. Vol. 25 (4). P. 519–544.

REFERENCES

Baskin L. M. *Severnnyy olen': ekologiya i povedenie* [Reindeer: ecology and behavior]. Moscow: Nauka Publ., 1970. (In Russian).

Barth F. *Nomads of South-Persia: The Basseri Tribe of the Khamseh Confederacy*. Boston: Little, Brown and Company, 1961. (In English).

Behnke R. H., Scoones I., Kerven C. *Range Ecology at Disequilibrium: New Models of Natural Variability and Pastoral Adaptation in African Savannas*. London: Overseas Development Institute, 1993. (In English).

Bogoraz V. G. *Chukchi* [Chukchi]. Leningrad: Izdatel'stvo INS CIK SSSR Publ., 1934. (In Russian).

Borgerhoff M. M., Sellen D. W. Pastoralist Decisionmaking: A Behavioral Ecological Perspective. *African Pastoralist Systems: An Integrated Approach*. Eds. by E. Fratkin, K. A. Galvin, and E. A. Roth. London: Lynne Rienner Publishers, 1994, pp. 205–230. (In English).

Casimir M. J. The Ecological Determinants of Territorial Behaviour Among Mobile Herders. *Mobility and Territoriality: Social and Spatial Boundaries among Foragers, Fishers, Pastoralists, and Peripatetics*. Eds. by Michael J. Casimir and Aparna Rao. New York: Berg, 1992, pp. 153–203. (In English).

Chernov Yu. I. *Zhizn' tundry* [Tundra life]. Moscow: Mysl' Publ., 1980. (In Russian).

Coppock D. L. Vegetation and Pastoral Dynamics in the Southern Ethiopian Rangelands: Implications for Theory and Management. *Range Ecology at Disequilibrium: New Models*

of *Natural Variability and Pastoral Adaptation in African Savannas*. Eds. by R. H. Behnke, J. Scoones, and C. Kerven. London: Overseas Development Institute, 1993, pp. 42–61. (In English).

De Boer W. F., Prins H. H. T. Decisions of Cattle Herdsmen in Burkina Faso and Optimal Foraging Models. *Human Ecology*, 1989, vol. 17 (4), pp. 445–464. (In English).

Dwyer M. J., Istomin K. V. Theories of Nomadic Movement: A New Theoretical Approach for Understanding the Movement Decisions of Nenets and Komi Reindeer Herders. *Human Ecology*, 2008, Vol. 36 (4), pp. 521–533. (In English).

Dwyer M. J., Istomin K. V. Komi Reindeer Herding: The Effects of Socialist and Post-Socialist Change on Mobility and Land Use. *Polar Research*, 2009, vol. 28 (2), pp. 282–297. (In English).

Dyson-Hudson R., Dyson-Hudson N. Nomadic Pastoralism. *Annual Review of Anthropology*, 1980, vol. 9, pp. 15–61. (In English).

Dyson-Hudson R., McCabe J. T. *South Turkana Nomadism: Coping with an Unpredictably Varying Environment. Ethnography Series*. New Haven: Human Relations Area Files, 1985. (In English).

Elam Y. Nomadism in Ankole as a Substitute for Rebellion. *Africa: Journal of the International African Institute*, 1979, vol. 49 (2), pp. 147–158. (In English).

Evans-Pritchard E. E. *The Nuer: A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People*. Oxford: Clarendon Press, 1940. (In English).

Fedotov V. S. *Peredovaya pastusheskaya brigada olenevodov sovhoza «Krasnoshchel'e»* [Advanced shepherd brigade of reindeer herders of the state farm “Krasnoshchelye”]. Murmansk, 1956. (In Russian).

Forde C. D. *Habitat, Economy and Society: A Geographical Introduction to Ethnology*. London: Methuen & Co. Ltd., 1934. (In English).

Geertz C. *The Interpretation Of Cultures: Selected Essays*. New York: Basic Books, 1973. (In English).

Gillin K. Variability Is Not Uncertainty; Mobility Is Not Flexibility: Clarifying Concepts in Pastoralism Studies with Evidence from Tajikistan. *Pastoralism*, 2021, vol. 11 (1). DOI 10.1186/s13570-021-00203-7 (In English).

Golovnev A. V. *Govoryashchie kul'tury: tradicii samodiycey i ugrov* [Speaking Cultures: Samoyed and Ugric Traditions]. Ekaterinburg: Institut istorii i arheologii UrO RAS Publ., 1995. (In Russian).

Golovnev A. V. *Antropologiya dvizheniya* [Anthropology of movement]. Ekaterinburg: UrO RAS Publ., 2009. (In Russian).

Golovnev A. V., Kukanov D. A., Perevalova E. V. *Arktika: Atlas kochevyh tekhnologiy* [Arctic: Atlas of Nomadic Technologies]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2018. (In Russian).

Golovnev A. V., Osherenko G. *Siberian Survival: The Nenets and Their Story*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1999. (In English).

Irons W. Nomadism as a Political Adaptation: The Case of the Yomut Turkmen. *American Ethnologist*, 1974, vol. 1 (4), pp. 635–658. (In English).

Istomin K. V., Dwyer M. J. *Reindeer Herders' Thinking: A Comparative Research of Relations between Economy, Cognition and Way of Life*. Fuerstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2021. (In English).

Klokov K. B. [Multidirectional Trends in Traditional Reindeer Husbandry of the Peoples of Siberia and the Arctic]. *Energiya Arktiki i Sibiri: ispol'zovanie resursov v kontekste social'no-ekonomicheskikh izmeneniy* [Energy of the Arctic and Siberia: the use of resources in the context of socio-economic changes]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury Publ., 2020, pp. 49–86. (In Russian).

Krupnik I. I. [The formation of large-herd reindeer breeding among the tundra Nenets]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1976, no. 2, pp. 57–69. (In Russian).

Little M. A., Leslie P. W. *Turkana Herders of the Dry Savana: Ecology and Biobehavioral Response of Nomads to an Uncertain Environment*. Oxford: Oxford University Press, 1999. (In English).

McCabe J. T. Mobility and Land Use among African Pastoralists: Old Conceptual Problems and New Interpretations. *African Pastoral Systems: An Integrated Approach*. Eds. by E. Fratkin, K. A. Galvin, and E. A. Roth. London: Lynne Rienner Publishers, 1994, pp. 69–90. (In English).

Moritz M., Behnke R., Beitel C. M., Bird R. B., Chiaravalloti R. M., Clark J. K., Crabtree S. A. Emergent Sustainability in Open Property Regimes. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2018, vol. 115 (51), pp. 12859–12867. (In English).

Moritz M., Hamilton I. M., Yoak A. J., Scholte P., Cronley J., Maddock P., Pi H. Simple Movement Rules Result in Ideal Free Distribution of Mobile Pastoralists. *Ecological Modelling*. 2015, vol. 305 (April), pp. 54–63. (In English).

Moritz M., Soma E., Scholte P., Xiao N., Taylor L., Juran T., Kari S. An Integrated Approach to Modeling Grazing Pressure in Pastoral Systems: The Case of the Logone Floodplain (Cameroon). *Human Ecology*, 2010, vol. 38 (6), pp. 775–789. (In English).

Myres J. L. Nomadism. *The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*, 1941, vol. 71 (1/2), pp. 19–42. (In English).

Niamir-Fuller M. Introduction. *Managing Mobility in African Rangelands: The Legitimation of Transhumance*. Eds. by M. Niamir-Fuller. London: ITDG Publishing, 1999, pp. 1–17. (In English).

Paine R. The Herd Management of Lapp Reindeer Pastoralists. *Perspectives on Nomadism*. Eds. by W. Irons and N. Dyson-Hudson. Leiden: E. J. Brill, 1972, pp. 76–87. (In English).

Sieff D. F. Herding Strategies of the Datoga Pastoralists of Tanzania: Is Household Labor a Limiting Factor? *Human Ecology*, 1997, vol. 25 (4), pp. 519–544. (In English).

Vasilevich G. M., Levin M. G. [Types of reindeer husbandry and their origin] // *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1951, no. 1, pp. 63–87. (In Russian).

Volkovickiy A. I., Terekhina A. N. [“We used to cross over the ice”: climate change in the perception of tundra dwellers of Yamal]. *Chelovek i priroda v Sibiri — Ekologicheskie znaniya i ustoychivye prirodnye otnosheniya vo vremena izmeneniya klimata* [Man and nature in Siberia — Ecological knowledge and sustainable natural relations in times of climate change]. Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien Publ., 2021, pp. 39–66. (In Russian).

Submitted: 16.12.2022

Accepted: 10.01.2023

Article published: 01.04.2023